

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

С.С. ХОРУЖИЙ

диалог Джойса и Бахтина на тему о легком чтении (Размышления по поводу одной из недавних книг)

Для современного гуманитарного мышления на Западе Джеймс Джойс и Михаил Михайлович Бахтин — люди особенные, фигуры их предстают в некоем не лишенном загадочности ореоле. Саранский ссыльный, пожизненный пленник рябого черта — какие оковы он вынужден был налагать на свою мысль и речь, что бы он нам поведал, будь он свободен? Другой же, не будучи вынуждаем никем, сам выбрал путь умолчания и темноты, создал немислимый, несуществующий антизык и требовал горделиво, чтобы его читатель посвятил бы свою жизнь чтению его книг. Но оба, со всеми их странностями и загадками, оказались насущно необходимы сегодня. Затеяв кавардак, перекрутив снежок — ей-ей, это и о Джойсе, вспомним “Мертвых”! — они изменили наш взгляд на литературу и на многие сопредельные предметы, и многое оставили после себя, что видится важным, однако еще до конца не понято и не освоено по сей день.

В числе вещей важных, но покуда не понятых, лежит и проблема их отношений между собою. При первом же взгляде поражает их общность, огромная, если учесть все различия жанров, установок и обстоятельств. Бахтин был теоретик-литературовед академического стиля, развивавший свои идеи исключительно на материале старых, ушедших литературных эпох; Джойс был художник-практик, создававший радикально новую прозу, что разрушала все традиции и каноны. И при всем том, все главные концепции Бахтина именно у Джойса находят свое лучшее воплощение, утверждаемые Бахтиным принципы поэтики всего решительней и наглядней реализуются в прозе Джойса, и оба автора в разном жанре, но с равным энтузиазмом рисуют одно и то же весьма специфическое мировосприятие и мироотношение: “карнавальное”. Два великих реформатора, во всем разные, оказываются и необычайно близкими, и приносимое ими новое видение литературы и культуры — в существенном, одно видение. Однако это — только завязка темы. Бросающаяся в глаза общность не отменяет кардинальных различий, и как сочетаются те и другие элементы, что за диалогизм осуществляется в прозе Джойса, каковы черты карнавального мира этой прозы (если он, действительно, есть в ней) — все это еще пребывает неисследованным. Сам Бахтин не оставил об этом даже намека. В его текстах нет ни единого упоминания Джойса, и этот факт тоже требует объяснений, ибо хотя бы об “Улиссе” он был наверняка неплохо осведомлен: его ленинградский круг включал наших лучших тогдашних знатоков Джойса — Стенича и Пумпянского.

Итак, тема “Бахтин и Джойс” весьма обширна и актуальна, и при нынешнем размахе бахтинских штудий на Западе никак не приходится

удивляться тому, что недавно в США появилась на свет объемистая книга Р.Б. Кершнера "Джойс, Бахтин и популярная литература" (Kerschner R.B. Joyce, Bakhtin and Popular Literature. Chapel Hill, North Carolina: University of North Carolina Press, 1989, 350 pp.) Масштаб и серьезность темы еще больше подчеркиваются тем, что солидный труд далеко не притязает на ее полное освещение, но ограничивается только одной частной стороной. Общность с Бахтиным развертывается в полной мере лишь у позднего Джойса, в его знаменитых больших романах: в "Улиссе" (1922) господствуют диалогизм, полифония, хроно-топические приемы... — весь основной арсенал бахтинской поэтики; в "Поминках по Финнегану" (1939) царит стихия гротескно-карнавального мироощущения и словотворчества. Автор не может не отметить сей очевидности, но его книга оставляет позднее творчество Джойса в стороне, будучи целиком сосредоточена на ранних его произведениях: здесь рассматриваются сборник рассказов "Дублинцы" (1914), роман "Портрет художника в юности" (1916) вместе с его ранней частично сохранившейся версией "Герой Стивен", а также пьеса "Изгнанники" (1918). В этих вещах нет еще каких-либо уловимых следов карнавального мировосприятия, однако уже заметно присутствуют принципы диалогической поэтики.

Книга избирает довольно своеобразный угол исследования: в реальном ее содержании главное место занимают не Бахтин и не Джойс, а третий элемент, стоящий в названии последним, — популярная литература. Название оказывается обманчивым: то, чем в действительности занимается автор, это вовсе не сопоставление Джойса и Бахтина, а тщательное, скрупулезное изучение места и роли всевозможной популярной литературы в раннем творчестве Джойса. Но эта обманчивость все-таки не обман, и Бахтин имеет касательство к производимой работе: все связи джойсовых текстов с популярными жанрами выявляются и анализируются по Бахтину, путем выделения и прослеживания в этих текстах различных голосов, дискурсов, находящихся между собой в диалоге. Благодаря этому "бахтинянскому прочтению Джойса", в тексте возникает голос Бахтина, ведущий критический дискурс по поводу джойсова литературного дискурса — так что устанавливается своего рода диалог Бахтина и Джойса. В конечном счете, выстраивается следующая схема: с помощью группы критических текстов (Б-тексты) рассматривается влияние текстов низкой прозы (Поп-тексты) на определенную группу текстов высокой прозы (Д-тексты), чтобы в итоге установить некое взаимодействие между Б-текстами и Д-текстами. Конструкция изощренная и сугубо постмодернистская.

Популярная (массовая, легкая, низкая...) литература, или иначе — читиво, — тоже излюбленный предмет обсуждения в постмодернизме. Отказ от ценностной иерархии, от резкой грани между "высокой" и "низкой" литературой — его характерная черта и одно из отличий от канона предшествующей модернистской эпохи. Черта эта присутствует уже у русских формалистов и вполне заметна у Бахтина (например, в анализе отражений Поп-жанров в поэтике Достоевского). У Джойса же выражена с особой яркостью, причем обнаруживает себя, по меньшей мере, двояким образом. Во-первых, начиная уже с ранней прозы, художник, подобно Достоевскому, охотно пользовался элементами стиля, приемами поэтики низких жанров. Но, наряду с этим, для него

было всегда типично — употребим термин Бахтина — “отраженное чужое слово”: присутствие в тексте каких-то других текстов, выражающееся в разнообразных заимствованиях и выражаемое разнообразными аллюзиями, а иногда и прямыми указаниями. И эти другие тексты очень часто — пожалуй, с подавляющей частотой — принадлежат именно к миру низкой, популярной литературы. Автор совершенно прав в том, что этот мир — один из главных источников, из которых черпал Джойс и которые необходимо знать и учитывать для понимания его текстов.

Тема “ранний Джойс и популярная литература” раскрывается в книге капитально и основательно. Подступом служит первая небольшая глава “Джойс, Бахтин и канон”, где описано отношение Джойса к низким жанрам и тщательно реконструируется его богатый круг чтения в этой сфере, включающий все сорта прессы и все виды популярных романов: бульварные, дамские, авантюрные, сентиментальные и прочие. Здесь же обсуждаются сопричастные теоретические проблемы: выбор критериев, определяющих Поп-текст (старая оппозиция элитарное-массовое и новая уникальное-стандартное), роль массовой литературы в создании “массового человека” со стереотипным, штампованным сознанием и т.п.

Наконец, здесь же — беглый семистраничный раздел, говорящий о бахтинском диалогизме, его близости Джойсу и его отличиях от (пост)структуралистской концепции интертекстуальности. Это — единственная часть книги, где Бахтин — предмет, а не метод рассмотрения.

Все дальнейшие главы — их пять — следуют единому образцу. В каждой из них разбираются определенные ранние тексты Джойса, с соблюдением хронологического порядка: от первых рассказов “Дублинцев” в гл. 2 и до “Изгнанников” в гл. 6. В каждом случае разбор заключается в вычленении, бахтинскими методами, различных голосов, дискурсов, находящихся в диалогическом взаимодействии между собой. Часть из этих дискурсов принадлежит той или иной популярной литературе, отражает ее влияние — и автор определяет круг Поп-текстов, соотносимых данному тексту Джойса, причем отдается предпочтение тем, с которыми Джойс был заведомо хорошо знаком (последнее часто удостоверяется наличием книги в триестской библиотеке Джойса, полный каталог которой, воссозданный Р.Элманом, включает не менее 50 популярных романов). Затем следует анализ уже самих Поп-текстов; поскольку же почти все они сегодня забыты и неизвестны, то этот анализ предваряется пространным, на нескольких страницах, пересказом содержания (что поглощает, в итоге, немалую долю объема книги). Окончательное сопоставление данного Д-текста и всех участвующих в нем Поп-текстов выявляет полную картину и меру этого участия, все переклички, заимствования, влияния явные и скрытые.

Как видим, проводимое автором исследование принадлежит области интертекстуального анализа, изучающего виды и способы присутствия одного текста в другом. Область эта весьма активно разрабатывается в сегодняшнем постструктурализме (французском, по преимуществу), но до сих пор самое основательное и эффективное в ней — методы бахтинского диалогизма, на которые и опирается Кершнер. Они применяются им без рабского буквализма, и в целом ряде моментов,

технических, а иногда и концептуальных, книга дополняет и развивает методики Бахтина. Так, при разборе “Портрета художника” в гл. 5 автор вводит дихотомию явного и скрытого интертекстуального диалогизма (интертекстуальных дискурсов). К первому виду относятся тексты, знакомые герою и участвующие в формировании его дискурса: их присутствие — важная часть его характеристики, и оно не должно пройти незамеченным. (Сюда же принадлежат многие виды бахтинского “двуголосого слова”, такие, как пародия и пастиш; но они не обсуждаются, поскольку отсутствуют в “Портрете”). Ко второму же относятся тексты, знакомые лишь автору и либо эксплуатируемые им, либо, напротив, влияющие на него помимо желания: демонстрация их присутствия — не в видах автора, и их дискурсы остаются в скрытых пластах текста. Конечно, подобное разделение — больше вариация, чем новация, если вспомнить все бахтинские тонкости из пятой же главы “Поэтики Достоевского”; однако оно крайне полезно при анализе Джойса — автора очень книжного, пропитанного литературой, но также и очень самолюбивого, стремящегося показать, как сильно сознание его героев определяется их чтением, но отнюдь не стремящегося показывать это же в отношении собственного, авторского сознания.

Что же в итоге? Книга добавляет немало к нашему знанию и пониманию раннего Джойса. Его тесные, широкие связи с популярной литературой, отражения и влияния ее текстов реконструированы тут всесторонне и элегантно, во всеоружии современных средств. Заодно автор с подробностью воскрешает для нас целый обширный пласт легкого чтения начала века — пласт, тоже не лишенный своего интереса. Меньше всего — из всего затронутого — повезло Бахтину. В бахтиноведение книга не вносит ничего нового. Это едва ли удивительно: как дает понять текст, Бахтин лишь на каком-то этапе, по рекомендации некоего студента, был привнесен автором в его исходную и давнюю тему о Джойсе и популярном чтении. Можно поздравить автора и Америку, по крайней мере, с одним умным студентом; однако истинный диалог между двумя великанами современной филологии еще впереди.